

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА

Русский
телеграф.
-1998.
-10 апр.
-с. 11

Звезда с звездой говорит...

Есть расхожее мнение, будто на телевидении ничего не может быть интереснее интересного разговора. Теоретически так оно и есть. Вопрос только в том, насколько каждодневная ТВ-практика оправдывает эти умозрительные допущения.

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ/РТ

Бытующих в нашем эфире программ, где телеведущие разговаривают «за жизнь» с именитыми и популярными людьми нашего отечества, не счесть. Причин, вызывающих интенсивный рост популярности подобных передач, несколько. Выделим две основные.

Первая: спрос на живое импровизационное общение со стороны телеаудитории. Клиповое телевидение — это вполне современная утка народных масс. Его крикливость, его калейдоскопичность завораживают, утомляя. Сколько бы масовик-затейник Пельш ни переодевался, но четырехразовое в неделю его потребление способно вызвать интоксикацию. Хочется чего-нибудь более пресного, несладкого и сермяжного. Идя навстречу нашему желанию, и являются к нам в гости друзья-конкуренты Ноткин, Караулов, Разбаш, Отт, Новоженков, Макаревич, Дибров и прочие. Следом за ними и на поводу у них — знатные люди страны... Такова объективная мотивировка.

Вторая причина — поверхностно субъективная. Связана она с таким естественным и понятным желанием телевизионного люда раскрутиться за чужой счет. Тем более что многим из них кажется: дело это не слишком хлопотное. Собеседник такого ранга, как Пугачева или Хазанов, — явление самоигральное, высокорейтинговое... Он как паровоз — подбрасывай в топку

разговора напрашивающиеся деликатные и неделикатные вопросы, и все само собой получится. И так получается. Телеведущие, разогревшись в лучах славы эстрадно-кино-театральных звезд, становятся сами звездами и начинают свой круг плавной миграции по программам-близнецам.

ОТТ. Урмас и десять лет назад производил впечатление светского человека. Но тогда он еще не сознавал собственного величия, тогда он не замечал над своей головой солнечного ореола. Его триумф, насколько помнится, основывался на известном эффекте полного безрыбья. Не было в ту пору другой передачи, где бы другой телеведущий смел поинтересоваться уровнем достатка собеседника, обстоятельствами его личной жизни, маркой его машины, его отношением к алкоголю и женщинам. Да и зрителям все это было в новинку, поскольку в обществе только-только начался процесс реабилитации и легализации межданина с его многообразно-низменными интересами.

Сейчас, когда этот процесс зашел достаточно далеко, новое явление Урмаса народу в интерьере ресторана «Прага» не кажется ни символическим, ни просто содержательным. Явление это сегодня представляет собой нечто вполне архаичное. Правда, сам ведущий с удвоенным азартом пыгает своих гостей на предмет подробностей их персонального бытия.

Самым принужденным было свидание с Сергеем Михалковым. Самым пикантным получился разговор с Нонной Мордюковой, которая в порыве откровенности поведала симпатичному ей статному молодцу о том, о чем всегда помалкивала, — о бабьих обидах на своего первого мужа Вячеслава Тихонова. Самым парадоксальным вышло собеседование с Геннадием Хазановым. Происходило оно примерно по такой схеме. «Вы хорошо зарабатываете?» — «Считайте сами: пошел на юбилей к Славе Тихонову, купил два букета — и вот... вся моя зарплата директора Театра Эстрады». — «У вас, говорят, до сих пор «шестерка»? — «Да, но у меня есть «Мерседес», а сюда я приехал на «Джипе». — «У вас квартира, дача?» — «Квартира трехкомнатная, дача жены. Ну, еще есть дом в Израиле».

Ну, еще есть у него собственный театр «Моно», на счет которого перечисляются гонорары за его выступления на сцене театра государственного; еще его дочка имела возможность отшлифовать хореографическое образование в Нью-Йорке, а вообще он не понимает, как можно быть счастливым человеком, когда вокруг столько несчастья.

В этом случае большой соблазн перефразировать Прутковка: «Не хочешь быть счастливым человеком — не будь им».

КАРАУЛОВ. Если Отт — воплощенное любопытство, то Андрей Караулов — олицетворенная уку-

ризна. В цикле «Момент истины» он был Совестью бедствующего Народа. В проекте «Русский век» он — Совесть исчезающей Культуры. Самая расхожая тема его диалогов с мастерами искусств — это неблагодарность нынешнего правительства по отношению к ним, людям, столько сделавшим для духовного воспитания Народа и самого Правительствия.

«Люди» — от Льва Кулиджанова до Ролана Быкова — охотно подыгрывают телеисповеднику. Только, пожалуй, Леонид Зорин удержался. Он до сих пор помнит то правительство, которое искалечило его пьесы и жизнь.

Впрочем, и карауловские диалоги при всей их демонстративной интеллигентности, изысканной интеллектуальности так или иначе сползают к вульгарным сплетням и пересудам. Как бы мимоходом и без всякой связи с темой разговора он роняет, что Эйзенштейн был гомосексуалистом, а Смоктуновский — Смоктуновичем. И даже — евреем.

Но более всего как человек, имеющий некоторое отношение к театру, Караулов склонен к дешевой мелодраматизации всего и вся. Самый выразительный пример в этом отношении — рассказ телезвезды о тяжелой участи президента Белоруссии А.Г. Лукашенко. Во-первых, его предал самый близкий человек — жена. Она не последовала за ним из деревни в город. Во-вторых, он очень одинок. В подтверждение те-

зиса рассказ о том, как Александр Григорьевич в его присутствии гонял шайбу со своей собакой. Потому что больше не с кем было. Свидетель такого хоккея надо было бы срочно вызвать «скорую» с бригадой психиатров... А он из этого сделал эстрадную миниатюру. Лукашенко смешон. Но и Караулов комичен.

Кто на самом деле патетичен, кто действительно рискнул поднять разговор в прямом эфире на недостижимую метафизическую высоту, так это новый ведущий «Старого телевизора».

ДИБРОВ. На этой неделе он неожиданно сменил Льва Новоженкова на его полдневной вахте в эфире НТВ. Уже при первом свидании ведущий сделал попытку подняться над жанром и традицией, то есть над сплетнями и пересудами, в рассуждении о жизни известного человека. Как ему трудно это давалось, знает тот, кто передачу видел. Но тут надо отдать должное собеседнику энтузиаста прямого эфира — артисту Николаю Еременко. Последний довольно верно обозначил драматическую коллизию, в которую попадают все без исключения телеведущие.

Он выразился в том смысле, что им приходится играть самих себя. «А это самое страшное... Копнешь себя, а там пустота...»

Наши телесобеседники в этом смысле — люди бесстрашные.

Юрий Богомолов